

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944

Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре

В.В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
410012, Саратов, Астраханская, 83, Россия

Национальное своеобразие русской не прямой коммуникации анализируется по лингвокультурологической модели А. Вежбицкой, в которой конкретные характеристики языка и речи осмысливаются через культурные сценарии. Модель А. Вежбицкой была отчасти модернизирована для целей настоящего исследования. Во-первых, опираясь на теорию культурно обусловленных сценариев, мы предлагаем в качестве такого сценария, в значительной степени обуславливающего использование косвенных речевых средств, оппозицию персональности ~ имперсональности, представляющую собой глобальную языковую и речевую категорию, охватывающую большинство уровней и сфер русского языка и речи. Во-вторых, в отличие от А. Вежбицкой, считающей целесообразным отказаться от использования понятия косвенности в лингвистических исследованиях, мы считаем целесообразным использовать понятие не прямой коммуникации, определяя ее как явление коммуникативно-интерпретативное (через дополнительные интерпретативные усилия адресата речи). Косвенность в работе трактуется как одна из разновидностей не прямой коммуникации: планируемая не прямая коммуникация. При этом детально анализируем причины, побуждающие русских обращаться к ней (прежде всего косвенным директивным РА и манипуляции). Связываем данные причины, прежде всего, с культурным сценарием — оппозицией персональности ~ имперсональности. С этой точки зрения обсуждается ряд актуальных процессов современной русской речи, обуславливающих обращение к планируемой не прямой коммуникации и изменения в способах такого обращения: разное представление о не прямой коммуникации как средстве повышения вежливости высказывания у представителей разных поколений, а также нежелательность излишней вежливости в некоторых ситуациях и обращение к не прямой коммуникации с целью избежать ее.

Ключевые слова: *А. Вежбицкая, косвенность, планируемая и непланируемая не прямая коммуникация, культурные сценарии, оппозиция персональность ~ имперсональность*

Indirect Communication in the Russian Speech Culture

Vadim V. Dementyev

Saratov State University
Astrakhanskaya, 83, Saratov, 410012

Abstract

The national specificity of the Russian indirect communication is analyzed according to Anna Wierzbicka's linguocultural model in which the specific characteristics of language and speech are interpreted through cultural scenarios. Wierzbicka's model was partially modified for the purposes of this study. Firstly, we suggest to use the opposition of personality ~ impersonality. Secondly, unlike A. Wierzbicka, we consider

it appropriate to use the concept of indirect communication, defining it as a communicative-interpretive phenomenon (through additional interpretative efforts of the addressee of speech). Indirectness itself is defined as one of the types of indirect communication: the planned indirect communication. We analyze in detail the reasons for it to be a part of Russian communicative style (primarily indirect directive speech acts and manipulation), associating these reasons with the cultural scenarios and the opposition of personality ~ impersonality. From this point of view, a number of actual processes in modern Russian speech are discussed, such as planned indirect communication and its: a different understanding of indirect communication as a means of increasing the politeness of statements by different generations, as well as the undesirability of excessive politeness in some situations and appeal to indirect communication in order to avoid it.

Keywords: *A. Wierzbicka, indirectness, planned and unplanned indirect communication, cultural scenarios, opposition "personality ~ impersonality"*

1. ВВЕДЕНИЕ

Систематическое исследование косвенных высказываний, косвенных речевых жанров и косвенности в целом в отдельных культурах (в частности, в русской) до сих пор не было осуществлено, не разработана «теория национальной косвенности», несмотря на то, что данные проблемы относятся к наиболее актуальным в теории и практике лингвистики и культурологии. Большое количество теоретических работ по косвенности (без преувеличения — тысячи) появилось в последние три десятилетия в рамках прагмалингвистики и теории речевых актов (косвенных речевых актов), в последние пятнадцать-двадцать лет, прежде всего в отечественной лингвистике, к ним добавился ряд работ по косвенным речевым жанрам. Много исследований (включая сопоставительные) осуществлено по отдельным аспектам косвенности (см. обзор в: [Дементьев 2014]).

Главными препятствиями в адекватной и всеобъемлющей трактовке феномена косвенности следует признать отсутствие в современной лингвистике, филологии, культурологии единого и общепризнанного определения *косвенности / непрямой коммуникации*. Нет однозначных ответов на ряд вопросов. Существует ли непрямая коммуникация (далее — НК) только в паре с соответствующей прямой коммуникацией (далее — ПК), как ее ситуативная функционально нагруженная «замена», то есть всегда ли НК вторична, возможны ли другие отношения НК ~ ПК, например, вторична и даже вообще необязательна может быть не НК, а ПК? Существуют ли закономерности, общие для всех структурных типов и жанров непрямой коммуникации, и, если да, могут ли они быть сформулированы в терминологии, сопоставимой по строгости с традиционной структурно-лингвистической? Существуют ли такие же универсальные закономерности для национально-культурной непрямой коммуникации, и, если да, входят ли они в единую систему правил и норм соответствующей речевой коммуникации или же системы «русской косвенности», «английской косвенности», «японской косвенности» и т.д. существуют по отношению к данной общей системе изолированно и автономно?

В решении этих и других проблем, связанных с уточнением теории национальной косвенности, о которой мы говорим, на наш взгляд, принципиальное значение имеют работы А. Вежбицкой и созданной ею школы по проблемам сопоставительной лингвокультурологии. Подтверждением этому могут служить

работы по некоторым частным вопросам косвенности в разных культурах, в которых используется методика национально-культурных сценариев, метаязыка семантических примитивов и т.п. (Wierzbicka 1983; 1987; 1990; 1991; 2005; 2006; 2009; Goddard & Wierzbicka 1997; Peeters 2009; 2016; Besemeres 2004). Кроме того, осуществлялись исследования отдельных аспектов и единиц русского языка и речи по методике А. Вежбицкой (Гладкова 2010; Gladkova 2013a,b; Шмелев 2018), ряд работ был посвящен коммуникативным правилам и нормам (Карасик 2013), а также описанию прямолинейности и косвенности как доминантных черт этнокультурных стилей коммуникации (Ларина 2009; Larina 2015). Однако русская косвенность еще не становилась объектом специального исследования.

Сказанное выше определило **цель** настоящей статьи — проанализировать национальное своеобразие не прямой коммуникации в русской культуре по лингвокультурологической модели А. Вежбицкой, которая предполагает осмысление конкретных характеристик языка и речи через культурные сценарии. Особенности русской НК осмысляются нами через культурную оппозицию имперсональности ~ персональности, представляющую собой глобальную языковую и речевую категорию, охватывающую большинство уровней и сфер русского языка и речи. В частности, нами проверяется распространенная гипотеза об ограниченном использовании или даже противопозанности не прямой коммуникации / косвенности в русской речи (Ларина 2005: 254; 2009: 432; Прохоров, Стернин 2006: 159; Стернин 2001: 187; Ключев 1999: 24, 155) на **материале косвенных директивов и манипуляций**, взятых из современной русской речи XX века — материалом послужили отчасти оригинальные записи устной речи (опубликованные и записанные автором и другими русистами-коллоквиалистами (Китайгородская, Розанова 1999; Норман 1987; Сиротинина 1999 и др.), отчасти — стилизованные диалоги русской художественной литературы. В отдельных случаях, с целью сравнения, приводятся данные из других языков (прежде всего английского), а также русской литературы XIX века.

Поскольку в настоящей статье предлагается начальная апробация модели А. Вежбицкой, отчасти модернизированной для новой цели — изучения национального своеобразия НК в русской культуре, — более четкая **структуризация материала**, в частности точные количественные характеристики, не представляются на этом этапе существенными. В будущем на основе предлагаемой модели может быть осуществлено исследование на более четко очерченном по объему и более гомогенном материале, например, разработаны параметры обращения к текстовым корпусам для поиска и обработки адекватного исследованию материала.

2. КОСВЕННОСТЬ ПО А. ВЕЖБИЦКОЙ: МЕТОДИКА НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая основа сравнительного исследования косвенности в разных культурах разработана Анной Вежбицкой (главы в книге: “Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction” (Wierzbicka 1991: 67—72, 88—104);

русский перевод был опубликован в виде статьи А. Вежбицкой «Культурная обусловленность категорий „прямота“ vs. „непрямота“» (Вежбицкая 2003); в дальнейшей странице приводим по русскому изданию).

А. Вежбицкая исходит из того, что в разных культурах конкретные речевые формы находятся под регулирующим влиянием разных норм, в результате передаваемые при их помощи значения и смыслы тоже являются разными. Культурно обусловленные сценарии наполняют данные значения и смыслы ценностным содержанием, например, в разных культурах существуют разные представления о табуируемом и, наоборот, предписываемом для обязательного выражения в речи. Поэтому исследователь может оценивать какое-либо коммуникативно-речевое явление той или иной культуры только в рамках данной культуры, но не с точки зрения другой культуры. В частности, было бы неверно определять какое-либо высказывание как «косвенное» только по той причине, что оно является таким в другой культуре.

Перечислим основные положения А. Вежбицкой, высказанные в этой и других ее работах, на которые мы прежде всего будем опираться при анализе русской непрямой коммуникации.

1. Конкретные языковые и речевые категории, нормы использования тех или иных средств находятся под сильным влиянием сценариев национальной культуры, которые наполняют данные категории, конкретные языковые и речевые единицы содержанием (прежде всего оценочным), регулируют правила и ограничения на их использование в речевой коммуникации.

2. Исследование непрямоты/косвенности, претендующее на адекватность, можно осуществлять только с учетом особенностей данной национальной культуры, сложившихся в ее рамках ценностных норм, приоритетов, регулятивов. При описании конкретных явлений той или иной национальной коммуникации следует, с одной стороны, отказаться от универалистских претензий, с другой — избегать этноцентризма (попыток объяснять явления одной культуры с точки зрения того, что они означают в другой культуре).

3. Недопустимо смешивать (и называть одним и тем же термином «непрямота») явления, проистекающие из действия разных культурных сценариев. Особенно на это следует обращать внимание при сравнении разных культур, но и внутри одной и той же культуры недопустимо смешивать такие явления. Это хорошо показала А. Вежбицкая на материале японской культуры, исследователи которой часто определяют как (одну и ту же) «непрямоту», например, 1) стремление не сообщать в разговоре о том, чего человек хочет: вместо этого он произносит «скрытые» высказывания, надеясь, что адресат поймет его правильно и даст желаемый ответ или совершит желаемое ответное действие; 2) манеру японцев использовать неопределенные выражения, содержащие числа. Например, покупая яблоки, японец скорее скажет: *Mittsu-hodolgurailbakari kudasai* ('Пожалуйста, дайте мне около трех штук') вместо *Mittsu kudasai*: это, подчеркивает А. Вежбицкая, уже другая японская культурная ценность — *enryo*, которую нельзя смешивать, например, с ценностью личной автономии, принятой в англо-американской культуре (Вежбицкая 2003: 148).

4. Не являются универсальными понятия вежливости, гармонии, солидарности, непосредственности, искренности, интимности, самовыражения и самоутверждения и т.д., как и в целом представления о «хорошей речи», «образцовой», через которые некоторые исследователи пытались объяснять косвенность. Тем более не являются универсальными традиции и нормы обращения к непрямым средствам для достижения вежливости, гармонии, самовыражения и т.д.

5. Нормы, регулирующие использование тех или иных речевых средств (в том числе косвенных), являются исторически подвижными. А. Вежбицкая хорошо показала этапы развития косвенности в английской культуре (этап I — свободное использование императивов и перформативных глаголов «требования» (*I pray thee, do it*); этап II — рост ограничений на использование императивов, распространение “whimperatives” (*Could you/ would you do it?*), отказ от перформативного использования глаголов «требования»; этап III — распространение «предложений» (suggestions) разных типов (*I would suggest... / Perhaps you could... / You might like to...*); этап IV — дальнейшая эволюция suggestions: от *I would suggest* до *I was wondering if*). По мнению А. Вежбицкой, главной движущей силой данной эволюции выступила содержательная категория “*Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people*”, понимаемая как культурный «англо-саксонский» запрет на «давление» на людей (Wierzbicka 2006).

Данные положения А. Вежбицкой представляются весьма существенными для настоящего исследования русской не прямой коммуникации и используются в нем в отчасти переосмысленном виде.

В качестве культурного сценария (коммуникативной ценности), в значительной степени регулирующего многие нормы и категории русского языка и речи, в том числе — значение и правила использования не прямой коммуникации (**первое** положение А. Вежбицкой), рассматривается оппозиция персональности ~ имперсональности.

Второе и четвертое положения представляются очень важными: влияние этноцентризма и универсализма испытал и ряд отечественных работ по косвенным высказываниям, где исследователи пытались объяснять явления русской речевой культуры в рамках теории, методики и терминологии, разработанных для других культур (прежде всего англоязычной), объясняя значение и причины обращения к ним теми же факторами, что соответствующие англоязычные выражения в западной прагмалингвистике. Мы попытаемся исправить это ограничение, проанализировав в рамках русских культурных сценариев ряд явлений (косвенные директивы, манипуляцию), показав их настоящее значение.

На **третье** положение Вежбицкой мы опираемся, противопоставляя два вида не прямой коммуникации в русском языке и речи: присущую системе русского языка *непланируемую НК* и регулируемую культурными сценариями *планируемую НК* (оппозиция персональности ~ имперсональности проявляется и в языке, и в речи, но по-разному — см. ниже).

Верность **пятого** положения А. Вежбицкой полностью подтверждается тем, что оппозиция персональности ~ имперсональности значительно меняется, наполняясь новым содержанием в связи с событиями русской/российской истории

(ср. события только новой истории: имперский период, особенно царствование Петра I, сопровождающееся большим количеством заимствований в сфере управления государством, социальных иерархий по типу западных; царствование Николая I с его разросшимся бюрократическим аппаратом; революция и последующее развитие «канцелярита»; постсоветский период с педализацией левого члена оппозиции персональности ~ имперсональности как реакция на советский официоз (Сиротина 2013).

Сформулированные таким образом положения лежат в основе следующих параметров методологической модели:

1. В качестве базовой содержательной категории используется сценарий по А. Вежбицкой — «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, — мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению. <...> они представляют собой некую „наивную аксиологию“, запечатленную в языке» (Вежбицкая 2002: 6).

2. Коммуникативные сценарии, так же как все культурные сценарии, формулируются, прежде всего, на основе лексики (наличие в языке ключевых слов, прямо связанных с формулируемым сценарием, — для русской культуры на эту роль, вероятно, лучше других подходят *общение, отношения, справедливость, душа и по душам*) (включая метафорические модели), фразеологии, паремииологии, прецедентных текстов. Особенно значимыми представляются те лексические, фразеологические и т.д. единицы, посредством которых описываются не прямые способы коммуникации и которые при этом являются отчетливо оценочными. Много информации дает рефлексия внутрикультурных наблюдателей и аутсайдеров, а также отражение информации такого рода в названиях, объявлениях, лозунгах, слоганах, рекламе и т. п.

3. На основе данных источников информации формулируются русские сценарии в виде разных типов высказываний, с использованием в данных формулировках лингвистической терминологии либо без ее непосредственного использования. Ср., например, отраженное в лексике и фразеологии представление о русской гармоничной коммуникации, сформулированное Л.В. Балашовой: «В идеале говорящий, по мнению языкового коллектива, должен быть откровенным, открытым, искренним или отказаться от общения (ср.: *говорить, так договаривать, а не договаривать, так и не говорить*). Наиболее гармоничная форма общения — это разговор по душам, когда каждый не только и не столько сообщает правдивую или полезную информацию, сколько открывает свою душу, сердце, то есть говорит о самом сокровенном прямо и открыто (ср.: *открыть душу; как на духу; по душам; открывать сердце, положить руку на сердце, с открытым сердцем, с чистым сердцем*)» (Балашова 2003: 106).

Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин выделяют среди особенностей русского коммуникативного поведения общительность, эмоциональность (неэмоциональность в общении считается плохим качеством, отражением равнодушия к проблемам

других людей и осуждается), искренность и откровенность в общении, приоритетность неформального общения (формальное <...> в русской культуре рассматривается как менее искреннее, менее эмоциональное, оно рассматривается как церемонное, не ведущее к реальному установлению контакта с собеседником, и в силу этого оценивается русским коммуникативным сознанием негативно), косвенность (Прохоров, Стернин 2006: 155—160; Стернин 2001: 180—217).

4. В качестве сценария, в значительной степени обуславливающего использование косвенных речевых средств, в настоящем исследовании используется (пересекающаяся с данными Л.В. Балашовой, И.А. Стернина и др.) оппозиция персональности ~ имперсональности ([P] ~ [-P]), представляющая собой глобальную языковую и речевую категорию, охватывающую большинство уровней и сфер русского языка и речи.

5. Общее пространство не прямой коммуникации членится, в связи с параметрами коммуникативной ситуации, на *планируемую* и *непланируемую*, с неравномерным распределением действия сценариев, описываемых в (1)—(3). На данном начальном этапе работаем с наиболее показательной разновидностью не прямой коммуникации — планируемой (= косвенностью), где сценарии проявляются особенно явно и сознательно, поскольку существуют и могут быть эксплицированы причины обращения к НК. В частности, анализируются такие важнейшие жанры и типы русской планируемой не прямой коммуникации, как косвенные директивы и манипуляция. На данном материале и на данном этапе считаем нецелесообразным полностью отказываться от понятия косвенности, как предлагает А. Вежбицкая (Вежбицкая 2003: 142).

6. Отличие от А. Вежбицкой проявляется также в том, что мы не формулируем значения оппозиции [P] ~ [-P] и ее членов на языке семантических примитивов. Нам представляется, что они в целом малопригодны для этого. Во-первых, за исключением ограниченного количества русских лексических, грамматических и прагматических единиц, описанных, например, А.Н. Гладковой, Т.В. Лариной (Gladkova, Larina 2018; Gladkova 2013a,b), не сложилось устойчивой традиции использовать их для описания явлений русской культуры; а для русской косвенности — фактически никогда. Во-вторых, левому (главному) члену оппозиции [P] ~ [-P] присуща значительная содержательная сложность и многоаспектность (имплицитируются непосредственные отношения с миром без промежуточного социального института, связь с системой этических норм, личностные и психологические характеристики человека — см. ниже). Однако при этом именно он является немаркированным, т.е. подчеркнута содержательно простым, его значение, с точки зрения универсального семантического метаязыка гораздо более сложное, в русском как раз обычно не эксплицируется, выступая как самопонятное, и с его помощью эксплицируются другие значения.

Конечно, это не уникальный случай среди мировых культур. Многие подобные случаи (и оппозиции) эксплицирует А. Вежбицкая и ее школа. Вероятно, это в принципе возможно и для [P] ~ [-P], но уже на следующем этапе исследования.

3. ПЛАНИРУЕМАЯ НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СОСРЕДОТОЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЕВ ПО А. ВЕЖБИЦКОЙ

Представляется, что избежать противоречий, выявленных А. Вежбицкой, поможет использование противопоставления двух типов не прямой коммуникации: НК-1 и НК-2. Основания противопоставления — непосредственно-коммуникативные.

Непрямая коммуникация в целом определяется нами как содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата (Дементьев 2006: 5).

Различаются два типа использования НК в речи:

1) НК-1 (непланируемая не прямая коммуникация) как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего (а также вследствие недостаточной четкости и однозначности языковой системы, того, что язык «пронизан» НК, — ср. понятия: *актуализация* ⇒ *вариативность* (Ш. Балли), *смысл* ≠ *значению* (Г. Фреге, К. Бюлер), *асимметрия языка* (С. Карцевский), *семантическая* (Э. Бенвенист), *политропия* (П. Фридрих), *полиморфизм* (В.В. Налимов), *фасцинация* (Ю.В. Кнорозов), *неформализованность* (А. Соломоник));

2) НК-2 (планируемая не прямая коммуникация, собственно косвенность) как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта. Это сознательное использование тех свойств языка и речи, которые являются НК в других условиях. Во всех речевых культурах существуют особые риторические приемы использования не прямой коммуникации, эксплуатации ее свойств для достижения различных эффектов. Именно такие эффекты, т.е. приоритеты в коммуникации и способы их достижения при помощи косвенных средств (а точнее, языковых средств, считающихся косвенными в данной культуре) исследует А. Вежбицкая и ее школа. Ср. приводимые ими данные о культурных сценариях, требующих использования средств НК-2: английские *moderate expressing opinions, shared dislike for going to extremes*, японское *enryo*, яванское *etok-etok* и др. (Wierzbicka 1991: 67—72, 88—104; Blum-Kulka & Danet & Gherson 1985; Mizutani & Mizutani 1987, Honna & Hoffer 1989).

НК-1 — преимущественно языковое явление, НК-2 — коммуникативно-речевое. Эти положения подробно изложены нами в (Дементьев 2006). В данном случае считаем уместным выделить наиболее значимые позиции по ним, поскольку они хорошо сочетаются с методикой А. Вежбицкой и позволяют, с одной стороны, эффективно анализировать НК в национальных культурах (прежде всего русской), с другой — избегать недостатков и ограничений, присущих распространенной в современной прагмалингвистике традиции описания косвенных речевых актов в разных культурах. Так, полагаем, что данное определение НК и противопоставление НК-1 и НК-2 позволяет не отказываться полностью от использования понятия косвенности, как предлагает А. Вежбицкая, а существенно уточнить его, как и понятие не прямой коммуникации. Только по отношению

к НК-2 мы предлагаем использовать термин *косвенность*, тем самым, с одной стороны, показывая место косвенности в общем пространстве НК, с другой — обозначая недостатки и ограничения в традиции его изучения в современной прагмалингвистике, исправить которые помогает обращение к модели А. Вежбицкой.

Хотя НК-1, как и все языковые и речевые феномены в рамках той или иной национальной культуры, тоже испытывает влияние национально-культурных сценариев, о которых говорит А. Вежбицкая, только в случае НК-2 существуют непосредственные коммуникативные причины обращения к непрямым (неконвенциональным) средствам, в результате сценарии А. Вежбицкой проявляются особенно наглядно. Все случаи «непрямоты» в разных культурах, критически обсуждавшиеся в вышеназванных работах А. Вежбицкой, относятся, в нашей классификации, к НК-2.

Мы не рассматриваем НК-1 в русском языке, хотя в конечном счете данный аспект не менее важен. Однако выполнение данной задачи предполагает решение ряда общих вопросов, таких как особенности концептуализации и картирования неязыковой действительности через посредство русского языка, информационные структуры в русском языке и т.д., которые еще далеко не решены: большое систематическое исследование ждет своего исследователя. Мы сосредоточиваем внимание на русской НК-2, прежде всего, двух наиболее распространенных и показательных типах: *косвенных директивных речевых актах* и *манипуляции*, анализ которых проводим по методике А. Вежбицкой с учетом важнейших, актуальных для НК сценариев русской культуры, особо отмечая национальное своеобразие (безэквивалентность) их содержательных компонентов, отчасти в сопоставлении с другими языками. При изучении НК-2 мы принципиально отказываемся, в соответствии с данными А. Вежбицкой, от описания и объяснения всех явлений через одни и те же содержательные категории, имеющие «наднациональный» характер. Для каждого явления по отдельности мы стараемся найти регулирующий национально-культурный сценарий или норму.

Наиболее распространенная функционально-целевая классификация типов и жанров речевой коммуникации, опирающаяся на идею В.В. Виноградова о трех важнейших общественных функциях языка — общении, сообщении, воздействии, — позволяет выделять прямые и косвенные речевые средства трех типов. Соответственно, при изучении непрямого общения в разных национальных культурах на первый план выходят жанры *непрямого общения*, *непрямого сообщения*, *непрямого воздействия*, а при изучении данных жанров — факторы, побуждающие адресанта выражаться таким образом. (Конечно, без *воздействия* как такового не обходится ни один коммуникативный акт, оно есть и при общении, и при сообщении, но мы имеем в виду воздействие в более традиционном (и одновременно несколько более искусственном) значении, восходящем к В.В. Виноградову: в таком значении воздействие по сути приравнивается к побуждению (директиву, императиву).)

Рассмотрим подробнее виды и жанры непрямого воздействия, где обращение к средствам НК-2 наиболее очевидно. (О видах и жанрах непрямого общения

(косвенные извинения, комплименты и оскорбления; системы организации неинформативного фатического общения типа *small talk* и т.п.) и сообщения (эвфемизмы и криптонимы) см.: (Дементьев 2006: 189—232; 2014.)

Наиболее значимый и распространенный аспект непрямого воздействия в русской культуре (как и многих других) связан с вежливостью. Данный аспект также является и наиболее культурно обусловленным, на что указывает А. Вежбицкая. Поэтому логично, что именно ему мы уделяем самое большое внимание. Конечно, есть и другие причины возможного обращения к непрямым средствам, но они являются в гораздо большей степени универсальными — ср. *косвенный приказ убить*, относящийся к наиболее распространенным сюжетам мировой литературы. Повторяем, под непрямотой здесь подразумеваем только направление интерпретации высказывания, отличное от простого конвенциональной идентификации знака, а не сложности, возникающие, например, из противоречия между действием разных культурных сценариев, от чего справедливо предостерегала А. Вежбицкая.

Многие исследователи данного явления (например, Храковский, Володин 1986; Рисинзон 2010) указывают на то, что содержание языковых и речевых формул, организующих воздействие на адресата речи (особенно директивных), изначально противоречит требованию вежливости, поэтому практически во всех культурах данные формулы обнаруживают значительную неустойчивость, тенденцию к замене эвфемистическими выражениями.

В современной прагмалингвистике сложилась устойчивая тенденция связывать семантику косвенных директивов с вежливостью. Хотя вежливость сама по себе не является объектом настоящего исследования, следует отметить, что подход к определению и изучению вежливости, который первоначально был преимущественно логическим и универалистским (Leech 1977; Brown and Levinson 1978), в последнее время стараются дополнить учетом национальных особенностей, что сближает данный подход с А. Вежбицкой. Так, выделяются разновидности вежливости: вежливость абсолютная/семантическая и относительная/прагматическая (разделяемая представителями данного социума, более чувствительная к контексту, частным биполярным шкалам) (Leech 2005; Leech, Larina 2014). Но при этом, несмотря на названные уточнения, говоря о значении косвенных РА для вежливости, как представляется, данные и некоторые другие авторы еще недостаточно видят возможное разнообразие функций косвенных РА и причин обращения к ним (т.е. НК-2, в нашем понимании). Например, на шкале «абсолютной вежливости» Лича (весьма показательно, что он иллюстрирует степени абсолютной, т.е. *универсальной*, вежливости только *английскими* идиомами и коллокациями) степень вежливости увеличивается прямо пропорционально повышению степени косвенности:

1) *Will you stand over there?*

2) *Would you stand over there?*

3) *Would you mind standing over there?*

4) *Would you mind standing over there for a second?*

5) *I wonder if you'd mind just standing over there for a second?* (Leech 2005; Leech, Larina 2014: 12).

Лич добавляет, что для китайской и японской культур шкала могла бы быть продолжена за счет большей косвенности, а значит, и большей вежливости, а для русской — наоборот, сокращена (Там же). Тем самым данная модель Лича выгодно отличается от преимущественно универсалистского и англоцентричного подхода, который был присущ, например, ранним работам того же Лича. Однако чисто количественное обозначение отличий (*greater length, shorter*) представляется все же недостаточным.

Мы полагаем, что описываемое Личем соотношение имеет место далеко не всегда, более того: повышение косвенности может использоваться не для повышения, а для понижения вежливости — см. примеры из русской речи ниже.

Может ли вежливость, «дополнительная свобода для адресата речи» (Searle 1975: 60—69) и т.п. проистекать из простого неразграничения смыслов, которое, по сути, является главным семиотическим механизмом и главной отличительной особенностью всех косвенных директивных речевых актов (косвенный речевой акт типа *Can you open the window?* можно понять и как вопрос, и как просьбу, по крайней мере теоретически, и в этом — и только в этом — состоит их бóльшая, чем у прямых директивных речевых актов, вежливость)? Очевидно, что нет: в самом по себе отсутствии четкого разграничения смыслов нет ничего вежливого. Прагматика в данном случае обуславливает направления их интерпретации исследователем, а также ряд сложностей интерпретации. Так, действие сценариев проявляется и в НК-1, и в НК-2 (является постоянным), что затрудняет выявление непосредственных причин обращения к НК (НК-2). При этом адекватное материалу изучение предполагает выделение сознательно используемых не прямых средств (НК-2) в связи с конкретным сценарием и только в рамках данной культуры.

Собственно, логичнее было бы (логичнее, конечно, не с точки зрения той или иной конкретной культуры: в каждой культуре «логичнее то, что привычнее», а с точки зрения простой экономии речи, интерпретативных усилий) выражать вежливость, уважение к адресату, предоставление ему некоторых дополнительных прав, удобств и т.п. неиспользованием косвенных средств, которые вообще-то требуют от него некоторых дополнительных интерпретативных усилий для правильного понимания (и тем самым добавляют к побуждению, уже содержащемуся в директивном косвенном РА, побуждение совершить дополнительное действие), а как раз использованием прямых, «простых» средств, не требующих никаких дополнительных интерпретативных усилий. Кстати, именно так обстоят дела в израильской культуре, где «прямота» выступает как коммуникативная ценность, — см. данные об этой культуре, которые приводят А. Вежбицкая и др. (Вежбицкая 2003: 142—143; Blum-Kulka & Danet & Gheron 1985: 129).

Все это позволяет выделить, с точки зрения возможной неопределенности высказывания (точнее — неопределенности коммуникативного намерения адресанта и его интерпретации адресатом), три разновидности непрямого воздействия: (I) не прямое воздействие как НК-1; не прямое воздействие как НК-2 двух типов, а именно: (II) косвенные директивные РА; (III) манипуляция.

(I) **НК-1:** неопределенность присуща и коммуникативному намерению адресанта, и его интерпретации адресатом, например:

(1) (А. *ВХОДИТ В КОМНАТУ, ГДЕ НАХОДЯТСЯ Б. И В., ПОГРУЖЕННЫЕ В РАБОТУ*)

А. *Кто как хочет / но время обеденное //*

Б. *Угу //* (А. *МОЛЧА СОБИРАЕТСЯ И УХОДИТ ОБЕДАТЬ*) (Китайгородская, Розанова 1999: 360).

Является ли высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* предложением пойти пообедать вместе или простым сообщением информации, утверждать можно лишь предположительно, причем уверенности не добавляют ни непосредственные речевые реакции собеседников, ни их последующие действия. В высшей степени неопределенной является ответная реплика Б. *Угу* (ее можно понимать и как согласие пойти пообедать вместе — но потом Б. никуда не идет, — и как отказ, и как сигнал о том, что информация получена, — если реплика А. понимается как простое сообщение информации), при этом данная ответная реплика как будто бы вполне удовлетворяет инициатора разговора А, которая не предпринимает попыток ни уточнить ее, ни уговорить коллег.

Возможность неоднозначного и расширительного толкования и инициальной реплики, и реактивных (включая нулевые) реплик делает коммуникацию содержательно многомерной, тем самым дает нам некоторые основания называть ее непрямой, но не позволяет говорить о конкретных коммуникативных причинах обращения к таким средствам (скорее всего, они не ясны самим говорящим). Поэтому можно лишь опосредованно (и предположительно) говорить о наличии культурных сценариев, регулирующих такого рода общение, например, некоторой нормы русской коммуникации, побуждающей отвечать что-то на реплики (хотя бы «угу»), а не молчать. Кроме того, анализ таких ситуаций противоречил бы нашему подходу, поскольку в традиционных исследованиях косвенности коммуникация, подобная приведенному примеру, хотя несомненно опирается на неконвенциональное использование и прочтение знаков, никогда не квалифицировалась как «косвенная», и полемический пафос А. Вежицкой направлен не на корректировку понимания таких ситуаций. Мы предлагаем применить сценарный подход А. Вежицкой к двум другим разновидностям НК-2 (далее им будет посвящен параграф 3).

(II) **Косвенные директивные РА:** высказывания такого рода с уверенностью определяются как воздействие/директивы и адресантом, и адресатом, интенциональным состояниям которых не присуща неопределенность, множественная интерпретация не нужна, но возможна с точки зрения формы высказывания (свойственной средствам НК). Такая форма косвенных директивных РА, как уже было сказано, используется по ряду причин, где важнейшей является вежливость, точнее — представление о вежливости, существующее в данной культуре (в данном случае — возможность двоякой интерпретации высказывания, между формой и содержанием которого существует рассогласование):

(2) (А. *повесила в ванной новую клеенку*)

А. *А ванна все равно подтекает //* **Не посмотришь?**

Б. *(муж) Угу //* *Слив смотреть надо.*

- (3) *(Жена — мужу):*
А. *Жень / тебе к сколько?*
Б. *Мне к десяти // А что?*
А. *Котлет бы вот надо //*
Б. *Ну я схожу //*
А. *Не успеешь //*
Б. *Успею / почему // Ну опоздаю / господи немного // Что случится //* (Примеры М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой).

(III) Манипуляция:

Начнем с рабочего определения манипуляции. В современной психологии, социологии, лингвистике существует несколько десятков дефиниций данного термина-понятия. Мы берем за основу определение психолога Е.Л. Доценко: «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Доценко 1997: 59), уточненное лингвистом К.Ф. Седовым: 1) это воздействие при помощи средств коммуникации (вербальных и невербальных); 2) это скрытое воздействие на собеседника; 3) речевая манипуляция направлена на изменение эмоционально-психологического состояния, оценок, установок и мотивов поведения коммуникативного партнера (Седов 2016: 104).

Наиболее принципиальными признаками манипуляции, отраженными в данных определениях, с нашей точки зрения, являются следующие: во-первых, на адресата оказывается воздействие, а именно: манипуляция — способ побудить адресата совершить действия, не совпадающие с его первоначальными интенциями (в том числе — противоречащие им); во-вторых, воздействие имеет скрытый характер: адресант делает вид, что не только адресат свободен в своем действии или бездействии (т.е. по сути исполнении или неисполнении), но и воздействия нет. Таким образом, неопределенность присуща интенциональному состоянию адресата в случае успеха манипуляции — в этом заинтересован адресант, интенциональному состоянию которого присуща как раз полная определенность: он знает, что это воздействие, — но который при этом делает вид, что воздействия нет. Поэтому, кстати, в случае манипуляции невозможна экспликация «условий успешности», которая характерна для косвенных директивных РА, даже неконвенциональных типа *Ой, как дует!*

Следующий пример из повести А. Рыбакова «Приключения Кроша» хорошо показывает различия между косвенными директивными РА и манипуляцией. Здесь на Игоря осуществляется не прямое воздействие сначала через посредство косвенного директивного РА (Вадим) (безуспешно), потом через посредство манипуляции (Петр Шмаков) (успешно):

- (4) — *В какие края? — покровительственно спросил он <Игорь> нас.*
— *На пляж, в Химки.*
— *Нашли куда ехать! — засмеялся Игорь. — Толкучка! Я еду в Серебряный бор. Пляж — мечта! У меня там встреча с друзьями.*
Вадим вздохнул:
— *Тебе хорошо — у тебя машина.*

В голосе Вадима слышалась просьба взять и нас с собой. Игорь сделал вид, что не понял.

Чего не сумел добиться Вадим, сразу добился Шмаков Петр. Что значит практическая сметка! Шмаков Петр иногда просто меня поражает.

— Не доедешь, — равнодушно проговорил Шмаков.

— Почему?

— Бензопровод засорится.

— Ты думаешь? — встревоженно спросил Игорь и поехал медленнее.

Я сразу понял тактику Шмакова Петра и подхватил:

— Конечно. В баке мусор. Где гарантия, что опять не забьется?

Игорь ничего не ответил. Молча ехал до самого метро. С одной стороны, ему не хотелось брать нас с собой. С другой стороны, боялся ехать один. Вдруг что в дороге случится? Что он будет делать без нас? То, что делают все неумехи. Останавливают проходящую машину и просят шофера помочь.

В то же время косвенные директивные РА и манипуляция, относясь к НК-2, обнаруживают между собой гораздо больше общего, чем с непрямым воздействием как НК-1, где неопределенность присуща интенциональным состояниям и адресанта, и адресата, и наблюдателя.

4. ИЗУЧЕНИЕ ПЛАНИРУЕМОЙ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ В СВЯЗИ С ОППОЗИЦИЕЙ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ ~ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Относим к культурным сценариям, сильно обуславливающим использование косвенных речевых средств в русской планируемой коммуникации, оппозицию **персональности ~ имперсональности**. Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного — и начала социального, неличностного (официального, ритуального). Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка — и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р [-Р] оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской лексики. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда ~ истина; воля ~ свобода; совесть ~ нравственность, этика; интеллигент ~ интеллеktуал; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ законный, легитимный, правовой; мастер ~ профессионал; очень плохо ~ крайне неудовлетворительно; убийца ~ киллер; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; вожак ~ лидер; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...*

При всем разнообразии и разнородности есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные. Резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами. Правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю. Левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый — заимствованным. Правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый — нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца.

Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций / пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [Р] ~ [-Р], есть такие важные для русской культуры, как *правда ~ истина, душа ~ разум, воля ~ свобода*. В то же время не все понятия, именуемые этими лексемами, встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими понятиями / лексемами — например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-Р]: выражение *партнерские отношения* — двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство, корпоративность* — малоупотребительные.

В оппозицию [Р] ~ [-Р] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности, в данную оппозицию вступают речевые жанры: так, значимой для русского языка и речи является речевая оппозиция *разговора по душам и светской беседы*. Члены данной оппозиции — антонимичные в русской речевой культуре жанры, — представляя разные нормы выраженного гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речевых картин мира» (подробнее см. в наших работах: (Деметьев 2013; 2016а; 2016б; Demytyev 2016)).

Представляется, что русская культурная оппозиция [Р] ~ [-Р] имеет большое значение для понимания оппозиции прямоты ~ непрямоты русской коммуникации, хотя, конечно, данные оппозиции далеко не совпадают. К сожалению, этот аспект прямоты ~ непрямоты русской коммуникации почти не затрагивался исследователями (за редкими исключениями: см., например, работы (Ларина 2009; Прохоров, Стернин 2006)). Иногда отмечалась нежелательность подчеркнутой искусности,

риторической изощренности речи в гармоничной русской фатике и ее жанрах, особенно в *разговоре по душам* (Стернин 2003; Фенина 2005), отражение такого отношения находим в русской лексической (прежде всего метафорической), фразеологической и паремиологической картинах мира (ср. *душевный, душа в душу, открыть душу, резать правду-матку* и подоб.) (Балашова 2003; 2017).

Если вернуться к идее о культурных сценариях, обуславливающих выбор тех или иных форм речи (в том числе косвенных), развиваемой А. Вежбицкой, можно сказать, что русская оппозиция [P] ~ [-P] обнаруживает много общего с такого рода сценариями, а именно: то значение, которое в конкретных ситуациях приобретает обращение к косвенным средствам речи, часто естественным образом ассоциируется с содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P], а тем самым может вызывать некоторое недоверие, причем это касается не только, например, манипуляции, но и «безобидных» косвенных речевых актов.

По-видимому, именно оппозиция [P] ~ [-P] создает условия, при которых использование косвенных средств ограничивается в русской речи, более того: средства, изначально являющиеся косвенными (вопрос в качестве просьбы и подоб.), подвергаются модификации, в результате чего их степень косвенности значительно уменьшается (иногда доходя до нуля). Это хорошо подтверждает тот факт, что, например, ближайший русский аналог известного примера из англоязычной теории косвенных речевых актов (Дж. Серль): *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’ имеет вопросительную форму: *Не могли бы вы открыть окно?* (могут использоваться и фразы типа *Вы можете открыть окно?*, *Можете ли вы открыть окно?*, *Могли бы вы открыть окно?*, но гораздо реже). Сам по себе этот факт уже является достаточно ярким доказательством неуниверсальности причин обращения к косвенности, выявляемых исследователями. В результате нельзя говорить о выполнении одного из наиболее важных требований, предъявляемых к косвенным РА: адресат не имеет даже теоретической возможности реагировать на высказывание *Не могли бы вы открыть окно?* как на вопросительное, а не директивное, поскольку вопросительное высказывание имеет другую форму. Это настолько жесткое правило в русской речи, что ошибки, «неправильное понимание» фактически исключены и используются только в юмористических, пародийных текстах, вызывающих смех, как, например, в рассказе М. Зубкова «Трешка», который начинается так:

- (5) *Вот подходит недавно один:*
 — *Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?*
 — *Мог бы, — говорю. И иду своей дорогой. <...>*

Предполагаем, что такое распределение отрицательной и неотрицательной формы между директивным и вопросительным иллокутивными высказываниями в русском языке имеет целью сделать невозможным спутать их. Тем самым имеющее вопросительную отрицательную форму директивное иллокутивное высказывание становится в меньшей степени косвенным. Это имеет значение, если, как было сказано выше, в русской культуре действительно существует некоторое недоверие к косвенным РА.

Общая картина (она и есть результат «исправления» Серля концепцией Вежбицкой) в англо-американской коммуникации рисуется следующим образом: косвенные директивы все время расширяют сферу своего употребления, постепенно вытесняя прямые формы, а в последние два-три десятка лет уступают место, как показывает А. Вежбицкая, “suggestions” типа *I would suggest*, и это соответствует выявленному А. Вежбицкой сценарию “*Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people*” (Wierzbicka 2006). В русской, наоборот, косвенные средства дополнительно маркируются как «невопросы», сфера их употребления подчеркнуто закрепляется за побуждениями и тем самым сужается, и это соответствует выявленной нами тенденции ассоциировать косвенные средства с правым членом оппозиции персональности ~ имперсональности. Все это, как представляется, служит хорошей иллюстрацией применения положения А. Вежбицкой о национально-культурных сценариях в сравнении культур.

Более того, в русской коммуникации косвенные просьбы (конечно, вежливые) могут обижать адресата речи. Обычно это происходит, когда общаются представители разных поколений: с точки зрения пожилых людей, косвенные побуждения типа: *За хлебом бы сходить; Форточку бы открыть* (их английские соответствия, по-видимому, *I wonder if you would like to..*, о которых говорит А. Вежбицкая) являются более вежливыми, чем соответствующие прямые, тогда как их собеседники — молодые люди — иногда воспринимали данные формы как «изошренный диктат» (Сиротинина 1999: 27). Ни в англо-американской, ни, вероятно, вообще в западной коммуникации такое положение дел, скорее всего, невозможно¹.

Подчеркиваем, что в данном случае имеется в виду современное состояние русской речевой коммуникации и речевой культуры в целом. Как справедливо указывает А. Вежбицкая, коммуникативные нормы являются исторически подвижными (Wierzbicka 2006). Например, в России XIX века распространенным явлением, насколько можно судить по дошедшим до нас материалам, были коммуникативные конфликты, возникающие по причине использования говорящим не прямой коммуникации в ответ на прямую собеседника в качестве демонстрации социального неравенства, — этот имеющий классовую основу вид использования НК, вероятно, ушел из русской коммуникации вместе с классом аристократии. Ср. пример из «Бесов» Ф. Достоевского:

(6) *Николай Всеволодович зевнул.*

— Надоел я вам, — вскочил вдруг Петр Степанович, схватывая свою круглую, совсем новую шляпу и как бы уходя, а между тем все еще оставаясь и продолжая говорить беспрерывно, хотя и стоя, иногда шагая по комнате и в одуше-

¹ У Деборы Таннен комментируется пример, который показывает, что и американцев могут раздражать и обижать косвенные РА, когда в них прочитывается возможное «скрытое неодобрение». Молодая женщина, придя домой из колледжа, готовит салат, а ее мать спрашивает: «Ты собиралась резать эти помидоры на четыре части?» Дочь отвечает: «Что-то не так с ними?» — «Нет, нет, — отвечает ей мать, — просто лично я нарезала бы их кольцами». Дочь продолжает резать помидоры, но потом она рассказала, что подумала про себя: «Я не могу ничего сделать без того, чтобы мама сказала, что она сделала бы это по-другому?» (Tannen 2010: 311).

ленных местах разговора ударяя себя шляпой по коленке. — Я думал еще повеселить вас Лембками, — весело вскричал он.

— Нет уж, после бы. Как однако здоровье Юлии Михайловны?

— Какой это у вас у всех однако светский прием: вам до ее здоровья все равно, что до здоровья серой кошки, а между тем спрашиваете. Я это хвалю. Здорова и вас уважает до суеверия...

Добавим, что коммуникативная неудача, возникшая в общении Ставрогина и Верховенского, представляет более общий конфликт России XIX века, протекающий из оппозиции [Р] ~ [-Р]: противопоставление дружеского и светского типов общения, — к которому довольно часто обращался Достоевский в своем творчестве (показательно, что Верховенский называет «светским приемом» Ставрогина не только этикетный вопрос, но и, вероятно, зовок, причем на словах *хвалит* это, а на деле, как вскоре станет ясно из романа, сильно обижается). Ср. еще один пример из «Бесов»:

(7) — *Я уважения прошу к себе, требую!* — кричал Шатов, — *не к моей личности, — к чорту ее, — а к другому, на это только время, для нескольких слов... Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий! Заговорите хоть раз в жизни голосом человеческим. Я не для себя, а для вас. Понимаете ли, что вы должны простить мне этот удар по лицу уже по тому одному, что я дал вам случай познать при этом вашу беспредельную силу... Опять вы улыбаетесь вашей брезгливою светскою улыбкой. О, когда вы поймете меня! Прочь барича! Поймите же, что я этого требую, требую, иначе не хочу говорить, не стану ни за что!*

Что же касается манипуляции (см. определение выше), она, будучи близка к косвенным РА с точки зрения интерпретативных, семиотических механизмов выведения имплицитных смыслов, резко противопоставлена им в этическом плане. Косвенные РА (по крайней мере, те косвенные директивные РА, о которых мы говорили) являются более вежливыми и в этом отношении более этичными, тогда как манипуляции присуща абсолютная этическая недобросовестность (см. обзоры литературы в: (Дементьев 2006: 15—55; Налимов 2003: 14—46)); при этом запрет на манипуляцию в русской культуре сильнее, чем в других культурах.

Использование косвенных средств является национально специфичным также в русской *диссонансной*, или конфликтной, фатике и ее жанрах. Особенно это касается ситуаций, когда «грубые слова» используются без агрессии к собеседнику, более того: с симпатией. Такие ситуации оцениваются положительно (*Милые бранятся — только тешатся*).

В русской диссонансной фатике также действует оппозиция [Р] ~ [-Р]. В данном случае с левым членом оппозиции ассоциируется прямая непосредственная (а значит, искренняя) агрессия, с правым — косвенная, предполагающая нанесение ущерба адресату без непосредственного, искреннего чувства к нему у адресанта. Такое отношение широко отражено в русской лексике, идиоматике, паремиологии (Балашова 2003; 2017). В русской литературе находим много ситуаций, когда

прямая непосредственная («человеческая») агрессия (включая даже рукоприкладство) оказывается предпочтительнее «бездушного» обращения к властным институтам, суду и т.п.:

- (8) — *Вы же не слышали, как он тут обзывался...*
— *Это ваше мужское дело! <...> Вышли в тамбур и выяснили отношения. Нет, вы приводите милиционера, отвлекаете его тем самым от прямых обязанностей, да еще и внушаете работникам сельского хозяйства недоверие к форме уважаемых сотрудников общественного порядка...* (В. Шукшин. Печкилавочки);
- (9) *Валиков подал в суд. Но так как дело это всегда кляузное, никем в деревне не одобряется, то Ефим тоже всем показывал палец и пояснял:*
— *Оно бы — по-доброму, по-соседски-то — к чему мне? Но она же шибко грамотная!.. Она же слова никому не дает сказать: самозагорание, и все!* (В. Шукшин. Суд).

Все это обуславливает и дополнительное отрицательное отношение к манипуляции — как к разновидности косвенного агрессивного речевого поведения: манипуляция оценивается даже более отрицательно, чем открытая агрессия. Поэтому манипулятивное коммуникативное поведение может быть лишь относительно успешным, на ограниченных временных отрезках. В любом случае для манипуляции — это пиррова победа.

Кроме того, с правым членом оппозиция персональности ~ имперсональности начинает ассоциироваться вежливость как таковая. Более того: в обществе, где хорошим тоном стало «педалировать» левый член оппозиции (это начинает происходить как своеобразная реакция на официоз в конце советского периода и в начале постсоветского и проявляется например, в распространении нарочито сниженного, вульгаризованного стиля журналистов, артистов, политиков и т.д. (Сиротина 2013)), соблюдение вежливости начинает восприниматься как слабая позиция говорящего, зависимость, ею начинают тяготиться. Но поскольку прямое нарушение вежливости может восприниматься как призыв к конфликту, для того, чтобы избежать вежливости, могут использовать непрямую коммуникацию. (Другую точку зрения см. в (Ларина, Козырева, Горностаева 2012; Харлова 2014 и др.)).

Действительно, замена прямой формы высказывания косвенной далеко не всегда означает смягчение смысла — ср. косвенный (конечно, неконвенциональный) речевой акт *Часов нет?* в качестве вопроса о времени². Косвенные, завуалированные формы побуждения позволяют избежать зависимости, присущей позиции адресанта прямых просьб: *Вы мне не покажете книгу?; Не знаете ли, кто это там, в светлой блузке?; А когда будут носить чай?*. На это указывает Б.Ю. Норман еще в конце 1980-х гг., когда говорит о так наз. «парикмахерской

² Это довольно странное по форме выражение было впервые зафиксировано автором настоящей статьи в начале 2000-х гг. в Саратове, где впоследствии получило широкое распространение, в то же время, насколько мне известно, регулярно приводя в веселое недоумение гостей Саратова — москвичей и петербуржцев.

вежливости): «Височки брить *будем?*» (Норман 1987: 120—122). Говорящему «не очень нравится эта зависимость, и косвенные средства <косвенность здесь в выборе формы 1 л. мн. числа вместо требуемой по ситуации 2 л. мн. числа. — *В.Д.*> помогают выровнять позиции собеседников, нейтрализовать различие между ними» (Там же: 120). «Конечно, сказать: „На следующей остановке выходишь?“ — получится грубо. Но спросить: „На следующей выходите?“ — значит продемонстрировать, пусть даже только в речи, свою зависимую позицию. В то же время форма 1 л. мн. ч. <т.е. „На следующей остановке *выходим?*“ — *В.Д.*> как будто бы, по мнению говорящего, позволяет обойти эти сложности» (Там же).

Это соотносится с положениями А. Вежицкой о том, что, во-первых, являются бесперспективными попытки искать универсальные соответствия между понятиями «вежливости» и «косвенности», а во-вторых, и «косвенность», направленная на уменьшение степени вежливости, регулируется культурными сценариями — а именно: оппозицией персональности ~ имперсональности, точнее, педалированием ее левого члена, характерным для русской речи конца советского периода и начала постсоветского.

Добавим, что менее наглядно и более сложно проявляются культурные сценарии (в частности, [P] ~ [-P]) в ситуациях **непрямого общения** в русской коммуникации, например светской беседе, хотя они, несомненно, действуют и здесь. Это непрямота особого рода: нельзя называть все значимые компоненты содержания (в частности, характеризовать межличностные отношения, роль которых для любого фатического общения наиболее велика), но, например, для инициативной фразы светской беседы типа *Хорошая погода сегодня* не существует «прямого» соответствия. При этом в русском языковом сознании светская беседа явно тяготеет скорее к правому члену оппозиции [P] ~ [-P], а тем самым воспринимается в каком-то смысле отрицательно довольно большой частью носителей русского языка, в отличие, например, от *small talk* в английском языке (Стернин 2003; Фенина 2005).

Подобным образом определяется в русской культуре отношение к таким жанрам фатики, как прямые и не прямые комплименты. Как справедливо отмечает М.Ю. Федосюк, «осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения, заслуживающего подобной квалификации» <прямого комплимента — *В.Д.*>, было бы равносильно утверждению «о возможной неискренности оценки» (1997: 113), что, добавим, противоречит левому члену оппозиции [P] ~ [-P] и тем самым накладывает ограничения на использование прямых комплиментов, заставляя предпочитать им не прямые.

5. ВЫВОДЫ

Нами были рассмотрены несколько аспектов изучения не прямой коммуникации/косвенности в русской культуре, а также выделены и обсуждались некоторые пути их будущего развития в сопоставительной лингвокультурологии на теоретической основе, которая была разработана в трудах А. Вежицкой и ученых ее Семантической школы.

Модель А. Вежбицкой была отчасти модернизирована нами для целей настоящего исследования: во-первых, принимая общую идею А. Вежбицкой о необходимости учитывать культурные сценарии при анализе конкретных языковых и речевых явлений в разных культурах, мы предлагаем в качестве такого сценария, в значительной степени обуславливающего использование косвенных речевых средств, оппозицию персональности ~ имперсональности ([P] ~ [-P]). (Конечно, оппозиция сама по себе не является сценарием, однако значение членов оппозиции по отдельности, в частности правого члена, предполагающего наличие социального института, а отсюда — выбор конкретных языковых средств, по нашему мнению, близко к культурному сценарию в понимании А. Вежбицкой.)

Во-вторых, только отчасти соглашаемся с идеей А. Вежбицкой о том, что нецелесообразно использовать понятие косвенности, от него лучше отказаться (причем А. Вежбицкая подразумевает, очевидно, и косвенность, и непрямую коммуникацию: как известно *indirectness* с английского может быть переведено и как косвенность, и как непрямота). Мы же считаем целесообразным использовать понятие *непрямой коммуникации*, определяя ее как явление прежде всего коммуникативно-интерпретативное (через дополнительные интерпретативные усилия адресата речи). *Косвенность* определяем как одну из разновидностей не прямой коммуникации: планируемую непрямую коммуникацию, — и при ее рассмотрении (а рассматриваем особенно подробно такие виды планируемой не прямой коммуникации в русской культуре, как *косвенные РА* и *манипуляция*) даем оценку конкретным высказываниям с точки зрения оппозиции персональности ~ имперсональности, в результате, как представляется, вносим определенный вклад и в понимание вежливости в русской культуре. Особое внимание при этом уделяем причинам, побуждающим русских обращаться к косвенным директивным РА.

Сфера непрямого воздействия (НК-2), рассмотренная нами, представляет собой, вероятно, наиболее наглядное сосредоточение культурных сценариев по А. Вежбицкой, хотя, конечно, на данном ограниченном материале можно обсуждать лишь часть таких сценариев (и лишь отдельные проявления в рамках одного и того же сценария, например, проявление оппозиции персональности ~ имперсональности ([P] ~ [-P])).

К перспективам исследования относятся другие сферы, такие как художественная коммуникация (НК там является преобладающей) и официально-деловая коммуникация (там доля НК минимальна, но отнюдь не равна нулю, тем самым ее роль и специфические характеристики особенно показательны), а также, вероятно, появление новых аспектов НК в новых (техногенных и т.п.) сферах общения.

© В.В. Дементьев, 2018

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по проекту 34.8128.2017/8.9.

Автор выражает благодарность коллективу рецензентов журнала, которые внесли очень много труда в эту работу.

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

This work was financially supported by the Ministry of Education of Russia within the base portion of the state task within the scientific activities according to the Order number 34.8128.2017/8.9.

I also express my gratitude to the team of reviewers of the journal, who contributed a lot of work to this article.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балашова Л.В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 93—108. [Balashova, L.V. (2003). Verbal'naya kommunikatsiya i ee otrazhenie v idiomatike russkogo yazyka (Verbal communication and its reflection in the idiomatics of Russian). *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (Direct and indirect communication). Saratov, 93—108. (In Russ.)]
- Балашова Л.В. Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // *Жанры речи*. 2017. № 1(15). С. 6—29. [Balashova, L.V. (2017). Speech Genres in Russian Idiomatics (Semantic and Conceptual Aspects). *Zhanry rechi* (Speech genres), 1 (15), 6—29. (In Russ.)]
- Вежицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 136—159. [Wierzbicka, A. (2003). Kul'turnaya obuslovlennost' kategoriy «pryamota» vs. «nepryamota» (Cultural conditionality of the categories of “directness” vs. “indirectness”). *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (Direct and indirect communication). Saratov: College, 136—159. (In Russ.)]
- Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 2(4). С. 6—34. [Wierzbicka, A. (2002). Russkiye kul'turnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke (Russian cultural scripts and their reflection in the language). *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* (Russian language in scientific coverage), 2 (4), 6—34. (In Russ.)]
- Гладкова А. *Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки*. М.: Языки славянских культур, 2010. 304 с. [Gladkova, A. (2010). *Russkaya kul'turnaya semantika: emotsii, tsennosti, zhiznennyye ustanovki* (Russian cultural semantics: emotions, values, life attitudes). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Непрямая коммуникация*. М.: Гнозис, 2006. 376 с. [Demytyev, V.V. (2006). *Nepryamaya kommunikatsiya* (Indirect communication). Moscow. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике*. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica). [Demytyev, V.V. (2013). *Kommunikativnyye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* (Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics). Moscow. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямого общения и ее жанров: взгляд из 2013 // *Жанры речи*. 2014. № 1—2 (9—10). С. 22—49. [Demytyev, V.V. (2014). Aktual'nyye problemy nepryamoj kommunikatsii i yeye zhanrov: vzglyad iz 2013 (Actual problems of indirect communication and its genres: the view from 2013). *Zhanry rechi* (Speech genres), 1—2 (9—10), 22—49. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с. [Demytyev, V.V. (2016a). *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoj rechi* (Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech). Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russ.)]

- Дементьев В.В. Некоторые методологические принципы изучения речезанровых заимствований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Том 20. № 1. С. 7—24. [Demytyev, V.V. (2016b). Nekotoryye metodologicheskiye printsipy izucheniya rechezhanrovyykh zaimstvovaniy (Some methodological principles for the study of vocabulary borrowings). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (1), 7—24. (In Russ.)]
- Доценко Е.Л. *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с. [Dotsenko, Ye.L. (1997). *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* (Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection). Moscow: CheRo, Izd-vo MGU. (In Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковая матрица культуры*. М.: Гнозис, 2013. 320 с. [Karasik, V.I. (2013). *Yazykovaya matritsa kul'tury* (The language matrix of culture). Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. *Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект*. М.: Русские словари, 1999. 396 с. [Kitajgorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (1999). *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* (Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect). Moscow. (In Russ.)]
- Клюев Е.В. *Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция)*. М.: ПРИОР, 1999. 272 с. [Klyuev, E.V. (1999). *Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya)* (Rhetoric (Invencion. Disposition. Elokucion)). Moscow. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Английский стиль фатической коммуникации // *Жанры речи*. Саратов: ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4: Жанр и концепт. С. 251—262. [Larina, T.V. (2005). Angliyskiy stil' faticheskoy kommunikatsii (English style of phatic communication). *Zhanry rechi* (Speech genres). Saratov: ITS "Nauka", Vol. 4, 251—262. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с. [Larina, T.V. *Kategorija veshlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* (Category of politeness and style of communication. Comparison of the English and Russian linguo-cultural traditions). Moscow. (In Russ.)]
- Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А. О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2012. № 2. С. 126—133. [Larina, T.V., Kozyreva, M.M., Gornostaeva, A.A. (2012). O grubosti i kommunikativnoy etike v mezhhul'turnom aspekte: postanovka problemy (On coarseness and communicative ethics in the intercultural aspect: problem statement). *Russian Journal of Linguistics*, 2, 126—133. (In Russ.)]
- Налимов В.В. *Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков*. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. 368 с. [Nalimov, V.V. (2003). *Veroyatnostnaya model' yazyka: O sootnoshenii yestestvennykh i iskusstvennykh yazykov* (Probabilistic model of language: On the ratio of natural and artificial languages). Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers. (In Russ.)]
- Норман Б.Ю. *Язык: знакомый незнакомец*. Минск: Вышэйшая школа, 1987. 222 с. [Norman, B.Yu. (1987). *Yazyk: znakomyy neznakomets* (Language: familiar stranger). Minsk: Vysheyshaya shkola. (In Russ.)]
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. *Русские: коммуникативное поведение*. М.: Флинта, 2006. 193 с. [Prokhorov, Yu.Ye., Sternin, I.A. (2006). *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* (Russians: communicative behavior). Moscow: Flinta. (In Russ.)]
- Рисинзон С.А. *Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: дис. ... докт. филол. наук*. Саратов, 2010. 420 с. [Risinzon, S.A. (2010). *Obshcheye i etnokul'turnoye v russkom i angliyskom rechevom etikete* (General and ethnocultural in Russian and English speech etiquette: dis. ... dr. filol. sciences). Saratov. (In Russ.)]

- Седов К.Ф. *Общая и антропоцентрическая лингвистика*. М.: Языки славянских культур, 2016. 440 с. (Studia philologica). [Sedov, K.F. (2016). *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* (General and anthropocentric linguistics). Moscow. (Studia philologica). (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 26—31. [Sirotinina, O.B. (1999). Nekotoryye razmyshleniya po povodu terminov «rechevoy zhanr» i «ritoricheskiy zhanr» (Some reflections on the terms “speech genre” and “rhetorical genre”). *Zhanry rechi* (Speech genres). Saratov, Vol. 2, 26—31. (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с. [Sirotinina, O.B. (2013). *Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* (Russian language: system, usus and created by them risks.). Saratov. (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Введение в речевое воздействие*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 191 с. [Stermin, I.A. (2001). *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* (Introduction to speech influence). Voronezh. (In Russ.)]
- Стернин И.А. Почему русский человек не любит светское общение? // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 278—283. [Stermin, I.A. (2003). Pochemu russkiy chelovek ne lyubit svetskoye obshcheniye? (Why Russian people do not like secular communication?). *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (Direct and indirect communication). Saratov: Kolledzh, 278—283. (In Russ.)]
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102—120. [Fedosyuk, M.Yu. (1997). Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov (Unsolved problems in the theory of speech genres). *Voprosy yazykoznaneya* (Topics in the study of language), 5, 102—120. (In Russ.)]
- Фенина В.В. *Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: дис. ... канд. филол. наук*. Саратов, 2005. 253 с. [Fenina, V.V. (2005). *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* (Speech genres ‘small talk’ and ‘svetskaya beseda’ in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.). Saratov. (In Russ.)]
- Харлова М.Л. Концептуализация невежливости в английском и русском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 4. С. 119—131. [Kharlova, M.L. (2014). Kontseptualizatsiya nevezhlivosti v angliyskom i russkom yazykakh (Conceptualization of impoliteness in English and Russian). *Russian Journal of Linguistics*, 4, 119—131. (In Russ.)]
- Храковский В.С., Володин А.П. *Семантика и типология императива: Русский императив*. Л.: Наука, 1986. 270 с. [Hrakovsky, V.S., Volodin, A.P. (1986). *Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ* (Semantics and typology of the imperative: Russian imperative). Leningrad: Science. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах свобода и воля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. № 22 (3). С. 675—700. [Shmelev, A.D. (2018). Yeshche raz o russkikh slovakh svoboda i volya (Once again about the Russian words of freedom and will). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 675—700. (In Russ.)]
- Besemeres, Mary. (2004). Different Languages, Different Emotions? Perspectives from autobiographical literature. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 25, # 2 and 3, 140—158.
- Blum-Kulka, Shoshana and Danet, Brenda and Gherson, Rimona (1985). *The language of requesting in Israeli society*. Forgas (ed.), 113—139.

- Brown, Penelope and Levinson, Stephen (1978). 'Universals in language usage: politeness phenomena. Esther N. Goody, ed., *Questions and Politeness*, 56—310. Cambridge: Cambridge University Press. (Reissued 1987 with corrections, new introduction and new bibliography, as a book entitled *Politeness: Some Universals in Language Usage*.)
- Dementyev, Vadim (2016). Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis paradigm. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 103—121. DOI 10.22363/2312-9182-2016-20-4-103-121.
- Gladkova, Anna. (2013a). 'Intimate' Talk in Russian: Human Relationships and Folk Psychotherapy. *Australian Journal of Linguistics*, 33:3, 322—343.
- Gladkova, Anna. (2013b). "Is he one of ours?" The cultural semantics and ethnopragmatics of social categories in Russian. *Journal of Pragmatics*, 55, 180—194.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World // *Вестник Российской государственной академии гуманитарных наук. Серия: Лингвистика*. 2018. № 22(3). С. 499—520. [Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520.] doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Goddard, Cliff and Wierzbicka, Anna (1997). Discourse and Culture. Teun A. van Dijk (ed.) *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. L.: Sage, Vol. 2, 231—259.
- Green, Georgia M. (1975). How to get people to do things with words. *Syntax and semantics*. N. Y., Vol. 3: Speech acts, 107—141.
- Honna, Nobuyuki and Hoffer, Bates L. (Eds.). (1989). *An English dictionary of Japanese ways of thinking*. Yuhikaku.
- Larina, Tatiana. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7, 195—215.
- Leech, Geoffrey (1977). *Language and Tact*. LAUT. Series A, paper no. 46.
- Leech, Geoffrey (2005). Politeness: Is there an East-West Divide? *Journal of Foreign Languages*. General serial № 160. 文章编号: 1004—5139 (2005) 06-0024-08 中图分类号: H043 文献标识码: A.
- Leech, Geoffrey (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford / New York: Oxford University Press.
- Leech, Geoffrey., Larina, Tatiana (2014). Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9—34.
- Mizutani, Osamu and Mizutani, Nobuko (1987). *How to be polite in Japanese*. Tokyo: Japan Times.
- Peeters, Bert (2009), Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model. *Flinders University Languages Group Online Review*. Vol. 4, iss. 1, 90—117.
- Searle, John R. (1975). Indirect Speech Acts. Cole Peter, Morgan Jerry L. (eds.). *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts. N.Y.; S.F.; L.: Academic Press, 59—82.
- Tannen, Deborah (2000). Indirectness at Work. *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy* / ed. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, N.J.: Hampton Press, 189—212.
- Tannen, Deborah (2010). Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness. *Journal of Pragmatics*, 42, 307—316.
- Wierzbicka, Anna (1983). Genry mowy. In T. Dobrzyńska, E. Janus (eds.) *Tekst i zdanie*. Wrocław itd.: PAN, 125—137.
- Wierzbicka, Anna (1987). *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press.

- Wierzbicka, Anna (1990). Podwójne życie człowieka dwujęzycznego. *Język polski w świecie*. Warszawa, 71—104.
- Wierzbicka, Anna (1991). *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 67—72; 88—104.
- Wierzbicka, Anna (2005). In defense of ‘culture’. *Theory and Psychology. Special issue on ‘culture’ edited by H.J. Stam*. 15 (4).
- Wierzbicka, Anna (2006). Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people and their linguistic manifestations. Cliff Goddard (ed.) *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Mouton de Gruyter, 31—63.
- Wierzbicka, Anna (2009). Overcoming Anglocentrism in Emotion Research. *Emotion Review*. Vol. 1, 1, 21—23.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 июня 2018

Дата принятия к печати: 25 октября 2018

Article history:

Received: 07 June 2018

Revised: 19 July 2018

Accepted: 25 October 2018

Для цитирования:

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 919—944. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944.

For citation:

Dementyev, Vadim (2018). Indirect Communication in the Russian Speech Culture. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 919—944. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944.

Сведения об авторе:

ДЕМЕНТЬЕВ ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ — доктор филологических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»; *сфера научных интересов*: теория дискурса, коммуникативная аксиология, теория речевых жанров.

Контактная информация: dementevvv@yandex.ru

ORCID ID 0000-0002-7532-5788

Bionote:

VADIM DEMENTYEV is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics, Saratov State University. His research interests are focused on theory of discourse, communicative axiology, theory of speech genres.

Contact information: dementevvv@yandex.ru

ORCID ID 0000-0002-7532-5788